

**Дороги, которые мы выбираем:
о реализациях понятия № 67 «дорога»
базового списка Сводеша в кельтских языках**

© 2019

Татьяна Андреевна Михайлова

Институт языкознания РАН, Москва, Россия; tamih.msu@mail.ru

Аннотация: Несмотря на относительную утрату популярности в области исторического языкознания в целом, глоттохронология и лексикостатистика продолжают развиваться как самостоятельные области в ряде лингвистических кругов России, Европы и Америки. Продолжается работа над сборником доступных для пользователей баз данных по разным языковым группам, как правило — с этимологиями, возможным списком синонимов и выведенными датировками (см. «Общую лексикостатистическую базу» на сайте «Вавилонская башня»: www.starling/rinet.ru). Собранный материал представляет собой сам по себе необычайную ценность и может исследоваться не только для датировок глубины распада групп, но и *sub specie* теории продуктивных семантических переходов. Анализ ряда «семантем» может дать совершенно новые, неожиданные результаты. Концепт-лексема № 67 «дорога» из списка базовых понятий М. Сводеша может быть отнесен к так называемой «культурной лексике». Обозначение «дороги» во многом зависит от уровня цивилизации этноса носителя диалекта, а также от чисто географического положения и климатических особенностей ареала. Важную роль играют также контактные точки. В результате обобщающего анализа исторических данных, описывающих «дорогу» в славянских, балтийских, германских и романских языках, была выведена деривационная схема, включающая три возможных модели: (1) дорога как перемещение, движение; (2) дорога как результат произведенной работы по выделению и оформлению особого локуса; (3) дорога как локус перемещения преферентного пользователя или как локус особого типа перемещения, передвижения. Одновременно (в качестве предварительного вывода) были выделены два основных метафорических перехода: (1) «дорога» — «путь, странствие» — «жизненный путь, судьба»; (2) «дорога» — «путь, образ жизни» — «(правильное) поведение, удача». Главная задача исследования состояла в том, чтобы включить в описанный семантический паттерн данные кельтских языков (в основном гойдельских), для чего были изучены, описаны и этимологизированы данные древне-, средне- и новоирландского языка в его сопоставлении с шотландским, а также бриттскими языками и данными континентального кельтского. Данные гойдельского языка в его диахроническом развитии показали еще раз справедливость теории продуктивных семантических переходов и могут послужить примером обеспечения семантического критерия реконструкции.

Ключевые слова: индоевропейские языки, кельтские языки, культурные концепты, лексикостатистика, метафора, метонимия, полисемия, реконструкция, семантический переход, этимология

Благодарности: Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 17-29-09124. Я выражаю глубокую благодарность моим анонимным рецензентам, которые как верно выделили собственно теоретическую базу исследования, так и отметили целый ряд неточностей и пропущенных необходимых библиографических ссылок.

Для цитирования: Михайлова Т. А. *Дороги, которые мы выбираем:* о реализациях понятия № 67 «дорога» базового списка Сводеша в кельтских языках. *Вопросы языкознания*, 2019, 5: 101–119.

DOI: 10.31857/S0373658X0006287-4

The roads we take: **Realizations of the concept No. 67 ‘road’ from Swadesh 100-word list in Celtic**

Tatiana A. Mikhailova

Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; tamih.msu@mail.ru

Abstract: Being rather unpopular in modern historical linguistics, lexicostatistics continues to develop in some circles in Russia, Europe, and USA. Databases of core vocabularies for many languages (with proposed etymologies, lists of synonyms, and dating of changes) keep appearing (see “The Global Lexicostatistical Database”: www.starling.rinet.ru). The use of this precious comparative material *sub specie* of the theory of recursive semantic shift typology could give very interesting new results. The concept No. 67 from Swadesh wordlist is ‘road’, which belongs to so-called “cultural vocabulary”. The basic notion of ‘road’ depends on the level of civilization of the nation, its geographical and climatic position and its cultural contacts. The results of the conducted comparative and diachronic study of semantic changes of the word ‘road’ based mainly on Slavonic, Baltic, Germanic and Romance languages could be generalized in the following way. Three main semantic models of ‘road’ are: (1) the general idea of moving or walking; (2) the specification of making the road; (3) the idea of a preferential user or use of the road. Two main directions of semantic extension can be formulated: (1) ‘road’ → ‘way, journey’ → ‘way of life, destiny’; (2) ‘road’ → ‘way, manner’ → [‘good manner’, ‘luck’]. The main goal of the article is to study Celtic (especially, Goidelic) words denoting ‘road’, to collect ranked synonyms, to give motivated etymologies, to exercise a diachronic and comparative study of the use of the names for ‘road’ in Old, Middle, and Modern Irish and in Scottish Gaelic (including comparative data from Continental Celtic and Insular Brittonic languages), and to reveal and describe supposed Goidelic innovations (*slige, belach, bóthar*). The final aim is to introduce Goidelic data into the described scheme of semantic shift as a kind of typological support for semantic derivation.

Keywords: Celtic, cultural concepts, etymology, Indo-European, lexicostatistics, metaphor, metonymy, polysemy, reconstruction, semantic shift

Acknowledgements: The article is written within RFBR project No. 17-29-09124.

For citation: Mikhailova T. A. *The roads we take: Realizations of the concept No. 67 ‘road’ from Swadesh 100-word list in Celtic*. *Voprosy Jazykoznanija*, 2019, 5: 101–119.

DOI: 10.31857/S0373658X0006287-4

Введение

Приведенная в названии работы цитата отсылает к рассказу О’Генри, хорошо известному в нашей стране, возможно, благодаря удачной экранизации (1962). В рассказе, оригинальное название которого звучит как “The roads we take”, слово *дорога* употреблено одновременно как в прямом, так и в переносном, скорее — метафорическом, значении ‘судьба, жизненный путь’. Более того, стремясь вернуть жизнь «стертой метафоре» и показать актуальные для данного дискурса «культурно обусловленные представления о действительности» [Баранов, Караулов 1994: 20], автор вводит в повествование рассказ о реальной ситуации выбора дороги ее главным персонажем — Акулой Додсоном. Собираясь в Нью-Йорк, он по ошибке повернул в противоположную сторону, связался с ковбоями и так далее. Кончил он тем, что стал профессиональным бандитом и грабителем, но где-то в глубине души, как я понимаю, сохранял иллюзию, что поверни он в другую сторону, и его жизнь сложилась бы по-другому. Но его собеседник полагает иначе: «Дело не в дороге, которую мы выбираем; то, что внутри нас, заставляет нас выбирать дорогу», — отвечает он герою, продолжая в беседе ту же игру реализованными метафорами. О’Генри «оживляет»

метафору «жизнь как дорога» во многом сознательно, видя в ней одно из базовых понятий именно американской ментальности¹. В обыденном языке говорящий, как правило, не ощущает генезиса многочисленных вербализованных метафор, которыми, как известно, мы живем [Lakoff, Johnson 1980]. Так в русском языке появляются *непутевый* и *беспутный*, а возвышенное *стезя* сосуществует с разговорной *стежкой*, о генетическом родстве которых рядовой носитель языка даже не подозревает². Но так, отчасти, и обновляется лексический состав языка, причем иногда — на уровне так называемой «базовой лексики».

1. Глоттохронология: система доказательств

Не стоит, наверное, слишком углубляться в проблему актуальности глоттохронологии, базирующейся на применении лексико-статистического метода. Предложенная еще в середине 50-х годов XX в. М. Сводешом [Swadesh 1952; 1955; Сводеш 1960], данная методика явилась как бы откровением: она позволяла надежно датировать глубину распада языковых семей на основе регулярных замен базовых лексем, кодирующих так называемый 100-словный список. С тех пор прошло много времени, сама теория была подвергнута, с одной стороны, ревизии (см. об этом [Starostin S. 1999; Blažek, Novotná 2006; Starostin G. 2010]), а с другой — сомнениям. «Метод, к которому часто прибегают, который всем известен, но который обычно в конце концов отвергают» [Mallory 2013: 258], — так писал о глоттохронологии индоевропейцев и кельтолог Дж. Мэллори. Еще более скептически отзывался о глоттохронологии ностратик А. Долгопольский: «Мы не можем поверить в то, что *lapis philosophorum* глоттохронологии не способен превратить базовый металл лексикостатистики в чистое золото надежных датировок. Однако радиоуглеродный метод пригоден для атомов, но мало подходит для человеческого языка, опутанного цепями культуры» [Dolgopolsky 2000: 404].

Внесенные С. А. Старостиным в предложенную М. Сводешом схему коренные изменения касались, с одной стороны, собственно математического значения так называемой «константы» (число лексических замен оказывалось не постоянным, но меняющимся в зависимости от древности реконструируемого языкового среза), с другой — введения возможных синонимов в стословный список (который тоже уже стал 110-словным для хорошо засвидетельствованных языков и 35-словным для языков, засвидетельствованных плохо). Кроме того, из подсчетов исключались заимствования. Эти изменения, несомненно, справедливы и обоснованы в тех случаях, когда исследователи имеют дело с языками, так сказать, экзотическими, плохо описанными, генетическая дефиниция которых проблемна. Но собственно изучение диахронической семантики, как мне кажется, должно опираться именно на понятие **базовой лексемы**, обозначающей в тот или иной период развития языка выделенное Сводешом **базовое понятие**³. История языка в таком случае

¹ Ср. доклад о пословице «жизнь — это путешествие» и ее специфическом американском происхождении проф. В. Мида (Life is a Journey: Aspects of homegrown American proverbs), состоявшийся в Институте языкознания РАН 29.05.2018 — <http://www.youtube.com/watch?v=dF9jXj1lrhk>. Возможно, речь скорее может идти лишь о реактуализации метафоры в американской ментальности, поскольку сама пословица (а следовательно — и идея) гораздо древнее: ср. лат. *vita est via*.

² К и.-е. **steigh-* ‘идти, продвигаться с трудом, подниматься вверх’ [IEW: 1017], ср. интересную параллель в датск.: *sti* 1 ‘путь, судьба’, *sti* 2 ‘тропинка’ при нейтральном *vej* ‘дорога’.

³ В своей классической работе сам М. Сводеш пользуется термином “relatively stable lexical items” [Swadesh 1952: 455], то есть «относительно стабильные лексические единицы», или «элементы». Однако в русскоязычной традиции для передачи исходного *item* установился традиционный перевод «слово», употребляемый условно, то есть передающий не собственно лексему, но слово-понятие. Под «базовой лексемой», меняющейся в плане выражения с течением времени, понимается то, что Сводеш называл *item*.

будет представлять собой изучение лексических замен, причем обоснованных, вплоть до заимствования из языка контактной культуры-донора. И именно их обоснование и составляет само по себе отдельную проблему, также, естественно, опирающуюся на данные лексикостатистики, но имеющую самостоятельную ценность.

В докладе, сделанном на заседании ностратического семинара за день до смерти, С. А. Старостин рассказал о проведенных им интересных подсчетах устойчивости базовой лексики; его работа была затем опубликована — см. [Старостин 2007: 827–839]. В ней приводится сопоставительная таблица устойчивости базовых лексем 110-словного списка для 14 языковых семей, и затем — ранжированные списки внутри этих же семей, представляющие собой необычайно интересный для анализа материал. Лексемы с низким коэффициентом устойчивости, казалось бы, должны относиться к понятиям «культурной лексики», религиозно-духовного мира и связываться с развитием того, что условно может быть названо «цивилизацией». А, напротив, слова, обозначающие понятия ‘два’, ‘я’, ‘мы’, ‘все’, ‘кто’ и так далее, должны обладать высоким коэффициентом устойчивости, просто по той причине, что их замена никак не мотивирована. Однако сказанное оказывается отчасти справедливым по отношению к индоевропейским языкам, для которых максимально устойчивым является слово «два», а минимально — «жир». Отчасти та же тенденция намечена и для языков дравидийских, а также койсанских и австралийских, но для австронезийского, например, наибольшей стойкостью обладает лексема, обозначающая понятие ‘вошь’, а для тайских — ‘вода’, ‘дождь’ и ‘огонь’.

Правда, следует отметить, что отчасти разброс коэффициентов устойчивости по семьям может объясняться не только особенностями языковой картины мира каждой семьи, но и глубиной ее распада. Как пишет С. А. Старостин [2007: 828], «индекс стабильности зависит от времени, прошедшего с момента распада праязыка данной семьи. Так, если для славянских языков индекс стабильности значения ‘кора’ составляет 1, то для балто-славянских он составит уже 0,81, а для индоевропейских — всего 0,27». В таком случае, как я понимаю, относительно «молодые» языковые семьи должны будут отличаться высоким уровнем лексической стабильности в целом, и подсчеты С. А. Старостина это и подтверждают. Но тенденция к постоянным заменам, к вытеснению лексем, имеющих статус «базовых», в любом случае остается неизменной и для любого языка предстает как своего рода необходимость, без реализации которой язык перестает развиваться и умирает.

Сторонники применения лексикостатистических данных для уточнения древности распада языковых семей и ответвления диалектных групп, а также для определения генетической принадлежности фрагментарно засвидетельствованных и малоописанных языков, как я думаю, не отдают себе отчета в том, что сама их работа — составление этимологизированных и относительно надежно датированных списков — представляет собой ценный материал для изучения продуктивных семантических переходов. Причем, с одной стороны, здесь может быть поставлен вопрос о мотивированности утраты той или иной лексемой базового статуса (что не всегда означает, что сами ее когнаты утрачиваются в языке в целом). С другой стороны, материалом для дальнейшего сопоставительного изучения может послужить исходная семантика лексем, получивших статус базовых взамен утраченных.

Приведу очень простой пример. Не нужно углубляться в историю романских языков, чтобы понять, что социальные и религиозные перемены привели к утрате в них рефлексов и.-е. **egnis* / *ognis* ‘огонь’ [IEW: 293], кодирующего скорее сакральный «огонь», связанный с языческим пантеоном и имеющий культовое значение, и замены его практически во всех романских диалектах рефlekсами лат. *focus* ‘очаг’ (ср. франц. *feu*, при старофр. *fou* ‘огонь, очаг; семья, жилище’ [Greimas 1968: 285], итал. *fuoco*, исп. *fuego*, рум. *foc*, португ. *fogo*; базы романских диалектов см. на сайте «Вавилонская башня» (<http://starling.rinet.ru/cgi-bin/>), данные 56 романских языков и диалектов не дают ни одного исключения; при этом индекс стабильности ‘огня’, по Старостину, для и.-е. языков в целом — 0,29). Интересно, что эта же замена происходит и в кельтском, который также утрачивает продолжения и.-е.

основы, обозначающей «огонь», и заменяет ее дериватами понятия ‘теплый, согревающий; очаг, жилище’: ср. др.-ирл. *tene*, валл. *tan*, брет. *tan*, корн. *tan* — все с базовым значением ‘огонь как источник тепла’. В словаре Р. Матасовича [Matasović 2009: 375] постулируется, что указанный семантический переход произошел еще на общекельтском уровне, и дается реконструированная праформа **tefn̥et* (к и.-е. **tep-* ‘быть теплым’ [IEW: 1070]), однако мне это кажется не совсем верным. Скорее мы можем предположить, что данный семантический сдвиг у обозначений очага произошел в гойдельской и бриттской ветвях кельтских языков параллельно, в ходе становления так называемого «островного кельтского союза», к тому же и бриттский вокализм предполагает другую ступень корня, соотносимую с незафиксированными в словаре Матасовича галльскими данными (см. подробнее в работе [Михайлова 2008], а также более детальный фонетический анализ в [Wodtko et al. 2008: 699–700]).

2. «Дорога» как базовое понятие

Но вернемся к понятию ‘дорога’ (индекс стабильности для и.-е. языков — 0,28). Используя цитату из рассказа О’Генри, я имела в виду не только метафорическое значение «дороги» как «жизненного пути, судьбы». Под словами, «которые мы выбираем», я также имела в виду «нас» — историков языка, которые, применяя лексикостатистическую методику, неизбежно должны будут «выбирать» базовую лексику среди группы синонимов, которые в свою очередь должны быть ранжированы хронологически. Также придется столкнуться с изучением дальнейшей семантической деривации архаических лексем либо с их параллельным семантическим развитием, что сделать в целом далеко не всегда просто. В качестве своего рода тестового контекста я в ряде случаев прибегала к переводу стиха из Евангелия от Марка (10:46): «...слепой сидел **у дороги** и просил милостыню», который я сравнивала с евангельским же упоминанием «тесного пути». Данный пример был взят мною из указанной выше базы данных «Вавилонская башня», из раздела «Германские языки». Пример этот, с одной стороны, хорош тем, что в нем однозначно выделена именно дорога как базовое понятие, то есть как локус перемещения. С другой стороны, присутствующая в современном русском языке семантическая оппозиция «дорога — путь», проявляющаяся в переводе евангельского фрагмента «о тесных вратах» («пространен **путь**, ведущий к погибели» — Мф. 7:13), в ряде языков, как правило — древних, еще не фиксируется, в греческом оригинале в обоих контекстах употреблено слово *ὁδός*, в лат. — *via*, в церковнославянском — *путь*. Тем интереснее случаи перевода фрагментов разными лексемами.

В установочной работе А. В. Дыбо, Г. С. Старостина, А. С. Касьяна и В. Е. Чернова [Kassian et al. 2010], посвященной уточнению семантики лексемы, которую можно условно считать базовой, авторы отмечают, что в ходе полевых исследований и сбора лингвистического материала при опросе информантов следует опираться на простые контексты в роде «он идет по дороге» или «из моего селения в соседнее есть дорога», причем «во многих случаях ‘тропа’ оказывается предпочтительнее ‘дороги’, т. к. противопоставлена последней как культурному термину, заимствованному от более технологически развитой цивилизации» [Kassian et al. 2010: 73]. То есть, как я понимаю, как если бы вместо русского простого *дорога* было бы записано *шоссе*. Но заимствованное культурное понятие, как правило, сопровождается и заимствованием обозначающей его лексемы. Кроме того, указанное авторами противопоставление представляется актуальным для определенных регионов, находящихся отчасти еще вне современной цивилизации. Моя же задача состоит скорее в выявлении деривационных моделей обозначения «дороги» в языках относительно поздних, отражающих хотя бы отчасти особенности европейского менталитета и обладающих скорее единой, достаточно цивилизованной «картиной мира».

И поэтому поиск датских, немецких, итальянских и даже древнеирландских и готских «троп» представляется мне лишенным смысла. В ряде случаев выделение собственно базового, то есть максимально нейтрального обозначения сводешевского «понятия» может вызвать ряд затруднений. Так, с одной стороны, далеко не всегда в диахронии можно уловить момент, когда та или иная лексема внутри некоторого семантического поля получает «базовый» статус. С другой, уже на уровне синхронном также не всегда очевидно, какая именно лексема среди близких синонимов — базовая, а какая — нет (причем именно для самих носителей языка)⁴. В качестве критерия, который носит характер скорее предварительный и предположительный, я бы выдвинула развитие связанной с каждой конкретной лексемой метафорики и фразеологии, что показывает ее укорененность в языковой картине мира на каждом синхронном срезе. Но в целом вопрос остается открытым, и его решение часто опирается на субъективную оценку исследователей.

Упомянув о «картине мира», я вступила в область, которой мне хотелось бы по возможности избегать в дальнейшем. Образ дороги, его мифологическая символика, тема пути в традиционной культуре — все это достаточно изучено, и данные исследования представляют значительный интерес (см., например, [Неклюдов 2015; Цивьян 1999; Щепанская 2003; Арутюнова 1999; Топорова (в печати)]⁵; применительно к древнеирландской традиции см. также [Бондаренко 2003]). Но сейчас меня в первую очередь интересует не образ дороги, а способы ее обозначений в разных языках и на разных синхронных срезах, причем обозначений так или иначе мотивированных. Иными словами, в центре исследования оказываются не семантические переходы, в которых *дорога* является источником (source), а переходы деривационные, в которых *дорога* является целью (target). Главную задачу я вижу в выделении ограниченного числа семантических деривационных моделей, «работающих» на разном языковом материале, а затем — в наложении данных моделей на карту распространения кельтских языков.

Отчасти здесь я следую за В. Блажеком, который посвятил монографическое исследование обозначению кузнеца в индоевропейских языках [Blažek 2010]. Пятьдесят проанализированных и этимологизированных автором лексем были поделены им на восемь подгрупп, восемь моделей, перифрастически описывающих кузнеца как «умельца», «хозяина огня», «разбивающего», «мастера», «создателя» и пр. Общая и.-е. лексема для «кузнеца», естественно, реконструирована быть не может в виду относительно позднего начала обработки металла, поэтому лексемы со значением «кузнец» возникли уже после распада и.-е. общности и каждый раз как бы заново. С «дорогой» все обстоит иначе. В этом небольшом исследовании я не ставлю своей задачей охватить весь и.-е. материал, но хочу дать несколько достаточно репрезентативных примеров, иллюстрирующих выделенные мною модели семантической деривации.

3. «Дорога»: модели семантической деривации

Итак, в качестве предварительного вывода, отчасти на основе уже сделанных наблюдений и сопоставлений, я могу сформулировать и выделить всего три активные модели обозначения «дороги» (в основном на и.-е. материале):

⁴ Ср. предложенное в работе [Куркина 1971: 104] определение «нейтральный дорожный термин» и “the most general meaning” в статье [Dočkalová, Blažek 2011: 299].

⁵ Ср. также интересное исследование психологов [Кац, Мухаматулина 2017], строящееся на классификации данных работы с информантами, которым на выбор предъявлялось 80(!) карточек с изображениями разного рода дорог: требовалось выбрать ту, которую информант считает наиболее точно соответствующей как «нейтральному» концепту, так и его собственному зрительному «представлению образа».

- 1) дорога как перемещение, движение;
- 2) дорога как результат произведенной работы по выделению и оформлению особого локуса;
- 3) дорога как
 - а) локус перемещения преферентного пользователя;
 - б) локус особого типа перемещения, передвижения.

Каждая модель нуждается в иллюстрациях и комментариях, которые будут даны в следующих разделах. Кроме того, в ряде языков намечается отчетливая тенденция к последовательному вытеснению лексем, образованных по модели 1, соответствующими лексемами моделей 2 и 3. В других, напротив, неожиданным образом застывает модель 1.

3.1. Модель 1

Модель 1 была отмечена в монографии Дж. Мэллори и Д. Адамса «Введение в праиндоевропейский язык и мир» [Mallory, Adams 2006]. Как пишут авторы, «большинство слов для ‘тропы’ (path) или ‘дороги’ (road) возводятся к формам глагола с семантикой ‘идти’» [Ibid.: 250]⁶. К такому же, в общем — вполне очевидному, выводу приходит, например, и В. Т. Коломиец: «обычно названия дорог образуются от глаголов передвижения» [Коломиец 1986: 95], а также В. Блажек и Л. Дочкалова, которые в обобщающей работе «Об индоевропейских *дорогах*» пишут, что обозначения дороги обычно «соотносятся с идеей перемещения» [Dočkalová, Blažek 2011: 328]. То есть, как я понимаю, происходит регулярный семантический сдвиг, имеющий метонимический характер: перемещение как *modus* превращается в *locus*, отмечающий данное перемещение. Речь здесь идет о спецификации процесса, выделении его части и затем — фиксации в языке локального компонента, обозначающего место действия («подземный **переход**», «автобусная **остановка**»). Данный метонимический перенос характерен для семантических переходов в целом (см. [Traugott, Dasher 2002: 27–28]). Параллельно происходит номинализация глагольной основы, вызывающая в ней определенные морфофонетические изменения (углубляться в которые, как мне кажется, будет сейчас лишним).

Данный семантический переход представляет собой один из многочисленных и продуктивных типов многозначности в целом, сформулированный Ю. Д. Апресяном как «‘действие’ — ‘место действия’» (см. [Апресян 1995: 199], там же см. многочисленные примеры). Но данное Ю. Д. Апресяном определение семантического перехода относится, как я понимаю, к области синхронной семантики, моя же задача — показать, что и на уровне диахронической деривации действуют в общем те же механизмы переноса.

Примеров здесь можно привести очень много, однако невольно встает вопрос: а все ли реконструированные и.-е. лексемы, приведенные в указанной работе Мэллори и Адамса (а также в их более полном списке и.-е. основ в [Mallory, Adams 1997: 487–488], ср. также [Buck 1949: 717–719]), действительно могут претендовать на обозначение именно ‘дороги’ в ее узком значении как «полосы земли, предназначенной для перемещения» [Ожегов, Шведова 1998: 176]? А если в каком-то из языков-потомков одна из указанных основ имеет данное значение, то является ли это архаизмом или, напротив, инновацией, при которой лексема со значением ‘проход, тропа’ получила значение ‘дорога’? «Поскольку большинство языков мира или совсем не имеет письменных памятников, позволяющих проследить языковое развитие по текстам, или же обладает достаточно скудным числом таких текстов (к тому же обычно весьма фрагментарных), лингвист чаще всего строит свои выводы относительно истории языка, опираясь прежде всего на данные современного языка и его диалектов (и сопоставляя его с другими родственными)», — писал

⁶ Ср. также предложенную исходную глагольную семантику ‘искать путь’ в [LIV: 470].

Вяч. Вс. Иванов [1982: 406–407] в работе о теории эволюции языка. То есть, например, если бы вдруг мы лишились всех памятников латинского языка, сопоставление обозначений огня в современных романских диалектах с данными других семей все равно указывало бы нам на некую инновацию, отличающую эти языки от славянских или германских. Но все же собственно этапы и направления семантических переходов оказались бы утраченными. Сказанное актуально и для континентальных и древних островных кельтских языков.

Среди «дорожных терминов» наиболее интересную судьбу, наверное, имеет и.-е. глагольный корень **pent-*, о котором в свое время писал Э. Бенвенист [Benveniste 1954]. Архаичность лексемы в индоевропейском, по его мнению, обусловлена разбросом дериваций корня в языках-потомках. Действительно, deverбальные образования дают нам греч. *πόντος* ‘море’, лат. *pons* ‘мост’ (но ср. *pontifex* ‘жрец’, предположительно не как «строящий мосты», но скорее «прокладывающий и определяющий путь»⁷), арм. *hun* ‘брод’ (см. подробнее [IEW: 808–809]). Э. Бенвенист, опираясь на употребления ведийского *pánthās*, обозначающего не просто перемещение с одного места на другое, но движение, «сопряженное с трудностями, неуверенностью и опасностью» [Benveniste 1954: 257], предполагает у корня изначальную семантику ‘преодоление, движение с трудом’ (*franchissement*). Данная идея, как мне кажется, подтверждается и данными германских языков⁸, в которых деривация и.-е. лексемы сохраняет вербальный характер: ср. др.-в.-нем. *fandōn* ‘выслеживать, идти по следам’, англ. *find* ‘найти’, а также др.-исл. *finna* ‘искать, следить; ощущать, воспринимать органами чувств’ (см. [De Vries 1962: 120]).

В славянских языках рефлексy и.-е. **pent-* получают скорее не значение ‘дорога’, но ‘путь’ как «направление, по которому можно пройти или проехать; фигурально — образ действия, способ»; встречаются интересные частности, например, чешск. *pout* ‘паломничество, богомолье’ [Черных 1994, II: 85]. Однако сказанное не затрагивает зону южных славянских языков, в которых дериваты и.-е. лексемы, как правило, имеют значение ‘дорога’, а точнее — не различают эти два близких понятия. Ср. серб. *пут* ‘путь, дорога’ (при хорв. *cesta* ‘дорога’, но *put* ‘путь’), болг. *път* ‘путь, дорога’ (см. подробнее [Derksen 2008: 417]). Можно ли данный феномен квалифицировать как сохранение архаической лексемы и использование ее применительно к «новому» понятию? Как кажется, скорее да, ср. отмеченное выше неразличение ‘пути’ и ‘дороги’ в церковнославянском («сидел у **дороги**» — *седяше при пути* ~ «тесны врата и узок **путь**» — *узкая врата и тѣсный путь*)⁹. Аналогичное смещение понятий в плане выражения отмечается и для готского, в котором также в обоих случаях употреблено слово *wigs*¹⁰:

⁷ Семантическая реконструкция римского жреца как «прокладывающего путь» оспорена в [Eg-pout, Meillet 1939: 788], где предлагается буквальное понимание семантики лексемы: понтифик, изначально, — это лицо, ответственное за мост через Тибр, соединяющий южную и северную части Итальянского полуострова и положивший начало основанию Города. См., однако, осмысление семантики имени римского жреца как «устанавливающего мост между богами и людьми» [Schrijver 1991: 372; DeVaen 2008: 480]. О древнеинд. параллелях см. [Бабаева 2006: 802–803], о «мосте между небом и землей» см. также [Топоров 1982].

⁸ Общегерманское (?) **pað-*, откуда англ. *path* ‘проход, тропа’, а также многочисленные германские когнаты со сходной семантикой, является, предположительно, заимствованием из какой-то ветви иранского (см. [Orel 2003: 291]; по предположению К. Уоткинса — от скифских переселенцев [Watkins 2011: 67]). Общегерманская реконструируемая форма **paða-* дается в [Kroonen 2013: 396], с сохранением идеи предположительного раннего заимствования.

⁹ Ц.-слав. канонический текст цитируется по Елизаветинской Библии 1751 г., см. <http://www.my-bible.info/biblio/bib>.

¹⁰ Также восходит к корню с общей семантикой движения — **weg’h-* [IEW: 1120] и вопреки [Eg-pout, Meillet 1939: 1101] генетически не связан с лат. *via* ‘дорога, путь’ (к и.-е. **wei-* ‘двигаться, летать, желать, спешить’, [IEW: 1123]).

Мк. 10:46 — *sunus Teimaiaus, Barteimaius blinda, sat faur wig duaithron* / Вартимей, сын Тимеев, слепой сидел у дороги, прося милостыни.

Мф. 7:14 — *hvan aggwu pata daur jah praihans wigs sa brigganda in libaini* <...> / потому что тесны врата и узок **путь**, ведущие в жизнь <...>.

Следует, однако, снова вспомнить о том, что и в греческом оригинале употреблено в обоих случаях одно и то же слово — ὁδός, и таким образом использование нюансированных синонимов в поздних переводах представляет собой своего рода семантическую инновацию, вносимую поздними переводчиками-интерпретаторами, носителями языка, который уже четко различал реальную дорогу и метафорический путь в небесное царство.

Но для меня сейчас важнее другое: можем ли мы с уверенностью говорить о том, что на некоем раннем этапе семантического развития **всегда** возникает лексема с обобщенным значением ‘путь, дорога’ (причем, как правило, на базе глагольного корня с семантикой движения, перемещения), которая затем не вытесняется языком, но дополняется новой лексемой «дорога как выделенное для перемещения пространство», образованной уже по другой модели (см. ниже)? Положительный ответ на этот вопрос вовсе не так очевиден, как кажется вначале.

Поясню свою мысль простым примером, относящимся к современному русскому языку. Слово *переход* в современном русском может обозначать 1) ‘акт перемещения в пространстве из локуса А в локус Б’; 2) метафорически — ‘перемещение в жизненном пространстве, изменение статуса и проч.’, ср. «обряды перехода»; 3) метонимически — отмеченный локус для значения 1: ‘подземный переход’, ‘переход через улицу, отмеченный особым образом’. Значения 1 и 3 с легкостью могут сосуществовать в речи одного и того же носителя, контактируя на уровне фразы, причем их семантическое нюансирование оказывается обусловлено контекстом, ср. следующий пример (придуман мною): «Переходить улицу надо только по **переходу**, **переход** улицы в другом месте опасен и для пешехода, и для водителя».

В современном русском языке для значения 3 употребляется метафорически образованное (на базе внешнего сходства) слово *зебра*. Но означает ли это, что словом *зебра* могли бы также обозначаться и переход через горный хребет, и переход как обретение нового социального статуса? Конечно, нет, по крайней мере — в данном конкретном случае. Но всегда ли нет?

3.1.1. Модель 1: кельтские данные

В кельтских языках в продолжениях и.-е. **pent-* утратилась семантика перемещения и локуса движения, но зато, как я понимаю, актуализовалась цель данного перемещения. Так, предположительно к основе **pent-* возводится др.-ирл. *áit* ‘место’, не имеющее бриттских параллелей [LEIA, A: 52]. Данная этимология была оспорена в [Matasović 2009: 433] как не точная вокалически и сомнительная семантически. Вопрос остается скорее открытым, в любом случае реконструируемая общекеельтская «дорога» пролегает где-то в другом месте.

Предположительно, и.-е. основой со значением ‘дорога, путь, проход’, имеющей продолжения в кельтском, является глагольная основа **sent-* ‘идти, находить путь’, распространенная в основном в северо-западном ареале (италийские, германские, кельтские языки). Интересно, что в словаре Покорного выделяются два значения и.-е. корня: «духовное» (*geistig*) и «собственное, первоначальное» (*eigentlich*), связь между которыми им не интерпретируется [IEW 908]¹¹. Действительно, на первый взгляд понятия «движение,

¹¹ В словаре Де Ваана высказывается предположение, что глаголы чувственного восприятия и мышления, зафиксированные в германских и италийских языках, с идеей перемещения вообще не связаны, по крайней мере их связь «сомнительна» [De Vaan 2008: 554].

ходьба», давшее др.-англ. *sīð* ‘путь, судьба’ (см. подробнее [Смирницкая 2008]), др.-исл. *sinni* ‘путь, странствие’, др.-в.-нем. *sind* ‘поход, странствие’ и ‘мысль, ощущение’, давшее лат. *sentire* ‘чувствовать, ощущать’, др.-в.-нем. *sin* ‘разум, мысль’ и литов. *sintėti* ‘думать’ кажутся никак не связанными. Однако сравнение с приведенным выше др.-исл. *finna* ‘искать, ощущать’ (к и.-е. **pent* ‘идти, двигаться с усилием’) дает возможность в данном случае вывести если не продуктивный, то по крайней мере логичный ход семантической деривации: ‘идти’ — ‘искать путь’ — ‘думать, ощущать’ (представляется, что эта тема требует дальнейшего изучения)¹².

В кельтских языках и.-е. корень сохраняется только в своем «исконном» значении, то есть ‘двигаться, ходить’, но зато дает разнообразную семантическую деривацию, особенно в гойдельском.

Семантика дериватов общекельтского **sentu-* в континентальном кельтском не совсем ясна. Лексема сохранилась в нескольких галльских и бриттских топонимах, территориально довольно разбросанных, в этнонимах и даже в именах собственных (см. [Falileyev 2010: 30]). Ср. топоним *Gabro-senti* ‘козья тропа’ в Британии, *Sento-latis* ‘дорога героев’ во Франции (департамент Изер, юго-восток), а также *Sintoion* — крепость галатов на территории Армении [Delamarre 2003: 271]. На территории Нарбоннской Галлии фиксируется этноним *Sentii* с предположительным значением ‘живущие у дороги’, либо ‘контролирующие дорогу’ [De Hoz 2005: 178]. Интересная деривация была отмечена Кс. Деламаром, который в имени собственном *Cosintus* справедливо видит семантику ‘спутник’ [Delamarre 2005: 48]. То есть, как мы видим, некая семантическая связь с идеей «прохода, движения» безусловно прослежена, однако для того, чтобы сделать вывод о наличии базового статуса у приведенных галльских дериватов, данных у нас недостаточно. Более того, в своем словаре Кс. Деламар предполагает, что абстрактной «дорогой» в галльском скорее была реконструируемая лексема **cammano-*, давшая в средневековой латыни заимствование *camminus* (откуда совр. франц. *chemin* ‘дорога’) и восходящая также к и.-е. основе с общим значением ‘ходить, шагать’ — **king-* [LEIA-C: 55].

В бриттских языках общекельтское **sentu-* оказывается поразительно стойким, демонстрируя достаточно широкую семантику. Так, бретонское *hent* оказывается по словарным данным практически единственным эквивалентом франц. *route*, *chemin*, *voie*; от него же образовано суффиксально *hentez* ‘сосед, товарищ’ (видимо, изначально — ‘спутник’). Ср. также др.-корн. *hins* ‘путь, дорога’ при образованном композите *cam-hinsic* (*cam* ‘кривой, неправильный’), glossируемое как *iniustus*, букв. ‘кривопутный’ (ср. русск. *непутевый*). То есть, предположительно, лексема в бриттском расширяет свою семантику, включая в нее понятия ‘пути’, ‘странствия’, ‘военной кампании’, ‘способа себя вести’ и др. (см. валлийские данные к *hynt* в [Geiriadur Prifysgol Cymru]). Из набора английских эквивалентных синонимов в словаре валлийского языка не дано только... *road*, то есть, как я понимаю, в валлийском, в отличие от бретонского, деривация общекельтского **sentu-* утрачивает базовый статус (если он у него и был). Это вызвано тем, что в средневаллийский период произошло заимствование из др.-англ. *ford* (отчасти сохраняющего более раннюю широкую семантику: не только ‘брод’, но и ‘проход’) и лексема *ffordd* получила базовый статус ‘дорога’, развив потом дополнительные значения ‘движение, бег; путешествие, странствие’. В контрольных евангельских примерах она употреблена не только для передачи клаузы «сидел у дороги» (Мк. 10:46), но и метафорического «тесны врата и узок путь» (Мф. 7:14): *Oblegid cyfyng yw'r porth, achul yw'r ffordd...*

¹² Ср. также совр. франц. *sens* ‘направление’ и *sens* ‘смысл’, воспринимаемые как омонимы, но восходящие к одному латинскому слову. Значение ‘направление’, как принято считать, развивается на базе перехода «понимание» — «образ действий» — «направление» (см. [Hatzfeld, Darmesteter 1964, II: 2028]), однако, как кажется, данный вывод о направлении семантического перехода не совсем очевиден.

То есть неожиданным образом реализуется обратный семантический переход ‘дорога’ (как локус перемещения) → ‘путь’ (как способ и цель перемещения). Не напоминает ли это придуманный мной случай с «зеброй»?

Следует отметить, что для валлийского языка лексема *ffordd* считается базовой лишь для северных диалектов, тогда как в южных районах ее место занимает *heol*. «Как носители, так и словари отмечают значительную вариативность этого слова по диалектам: по данным атласа, сев. *ffordd*, юж. *heol*, диалект острова Англиси: *lôn*» [Парина 2009: 145], ср. аналогичные данные в [Elsie 1979: 35]. Валл. *heol*, *hewl* имеет довольно широкую семантику — ‘путь, дорога, движение, перемещение, странствие’ (см. [Geiriadur Prifysgol Cymru]), традиционно соотносится при этом с др.-ирл. *séol* ‘парус, плавание, движение, путь’ и считается ранним германским заимствованием (см. подробнее [Schrijver 1995: 357], ср. иную этимологическую трактовку в [Dočkalová, Blažek 2011: 312]). Соотнесение «паруса» и «дороги», как я понимаю, реализует несколько более сложный путь семантической деривации: «парус — плавание — странствие — дорога, путь». Иными словами, деривация может трактоваться как усложненная «модель 1».

Др.-ирл. *sét*, как я понимаю, собственно «дорогу» уже не обозначает, но сохраняет изначальную семантику — акт движения, перемещения. То есть это скорее «путь». Интересно образованное от него существительное *sétig* (к **sent-ik-ī-*, см. [De Bernardo Stempel 1999: 80]) ‘жена, супруга’, букв. «спутница». В среднеирландский период от него был образован слабый глагол *sétaigid* ‘странствует, путешествует’. Уже в языке глосс отмечается метафорическое употребление *sét* в значении ‘способ, образ действия, жизненный путь’ (см. [DIL, S]). То же можно сказать и о ранней лирике. См., например, стихотворение, датированное VIII в.: *Sét no tiag téiti Christ...* [Carney 1971] — «Путь, которым я хожу, им шел Христос...».

Метонимический переход «перемещение — локус перемещения» у лексемы *sét* предположительно фиксируется только в композите *drochet* ‘мост’: **druk-sēt-*, семантика первого элемента вызывает разногласия: либо **druko-* ‘дерево, древесина’, либо **dhregh-* ‘бежать, спешить’, откуда др.-ирл. *droch* ‘колесо’ (см. [LEIA, D: 199; De Bernardo Stempel 1999: 45]). Современная форма *séad* относится скорее к области высокой речи и обозначает стремление, судьбу, жизненный путь и проч., в шотландском практически не фиксируется.

То есть, как мы видим, в отличие от бриттского, в гойдельском базового значения ‘дорога’ общекельтское **sentu-* так и не развило (или утратило?). Для ‘дороги’ в этой группе была выбрана другая модель семантической деривации.

3.2. Модель 2

Модель 2, собственно говоря, также реализует метонимический переход, однако строящийся не по типу «действие — локус действия», а по типу «действие — результат действия» (‘варенье’, ‘печенье’, см. [Апресян 1995: 196]), но, как правило, с дополнительными морфологическими компонентами: «делать» — «сделанное»¹³. Как можно предположить,

¹³ В работе [Коломиец 1986: 96] также присутствует идея выделения особой деривационной модели названия дороги — «от названий материалов и способов устройства», и приведенные им примеры демонстрируют довольно близкий нашему подход, ср. *просека*, *чугунка*, *щебенка*, *мошечка*, *каменка* и проч. Однако большинство лексем являются окказионализмами, диалектизмами, не имеющими базового характера, к тому же в работе отсутствует диахронический анализ материала. Но в целом, надо признать, предлагаемый семантический переход предстает как перспективный для дальнейшего исследования. В статье [Dočkalová, Blažek 2011: 330] примерно эта же идея (обозначение дороги по способу изготовления) формулируется иначе: «семантическая мотивация, базирующаяся на ландшафте». То есть, авторы полагают, что семантическим ядром здесь оказываются вырубленные леса, пробитые в скалах проходы, замощенные болота и т. п.

исходя из субъективных социально-исторических данных, этот тип образования обозначения дороги является более поздним, так как связан с определенным уровнем развития цивилизации и государственности. Как пишет С. Ю. Неклюдов, «расчистка дороги [в былинах об Илье Муромце — Т. М.] может быть понята как ее фактическое прокладывание <...> Следует предположить, что до появления данных сооружений эта дорога вряд ли могла существовать» [Неклюдов 2015: 142]. С данным утверждением нельзя полностью согласиться. Да, прокладка дорог, осушение болот, установка переходов через овраги — все это на уровне исторической реальности отличало скорее послемонгольский период истории Руси, до этого собственно «дорога» каждый раз как бы создавалась заново. Так, в «Слове о полку Игореве» рассказывается, что, идя на половцев, князь Святослав «притопта хльми и яругы» [Слово о полку Игореве 1980: 378]. Но на уровне лексическом не могло не существовать обозначения предпочтительных локусов перемещения, возможно, изначально природного происхождения. Ср. в том же памятнике: «А мои ти куряни свѣдоми кѣмети <...> **пути** имь вѣдоми, **яругы** имь знаеми» [Там же: 374]. Иными словами, им были известны проходы в лесах, через болота и овраги, броды и так далее, что на уровне базовых концептов и составляло понятие «дорога». Как писала об этом Н. Д. Арутюнова, «*дороги* обозначают артефакты, «встроенные» в природу; *пути*, наоборот, природу, превращенную в артефакт» [Арутюнова 1999: 5].

Модель «дорога как продукт обработки части земной поверхности» представлена в и.-е. языках достаточно широко. В первую очередь, конечно, здесь надо назвать русскую *дорогу*, которая восходит к реконструируемому глаголу **dǫrgati* ‘дергать, расчищать; драť; тянуть’ [ЭССЯ 1978: 75, 221; Куркина 1971: 100]. В ряде других славянских языков эта же основа и главное — эта же идея «расчищенное пространство, с которого удалены трава и кустарник» реализуется в обозначениях пустошей, выгонов для скота (см. в указанных изданиях).

В ряде других славянских диалектов модель 2 реализуется на базе глагольной основы **cěstiti* ‘расчищать, выскребать’, ср. чеш., слов., польск., хорв. *cesta* ‘дорога’ [ЭССЯ 1976: 188].

Аналогичный концепт «изготовленной дороги» реализуют и данные романских языков, в большинстве из которых обозначение дороги восходит к лат. (*via*) *strāta* ‘мощеная (дорога)’ (ср. итал. *strada*, рум. *strada* (скорее ‘улица’), португ. *estrada*, ср. также раннее, IV–V в., латинское заимствование в германском — *strāza* ‘дорога, мощеная дорога’, откуда затем — обозначение ‘дороги, улицы’ во многих германских языках [Kluge 1957: 756]). Ср. также лат. (*via*) *rupta* ‘пробитая дорога’ > франц. *route* ‘дорога’ (вопрос о базовом статусе лексемы, конкурирующей с данной точки зрения со словом *chemin*, остается открытым).

По той же модели образовано и др.-исл. *braut* ‘дорога’: к глаголу *brjóta* ‘пробивать, пробовать’ [De Vries 1962: 55]. Вопрос о «базовом» статусе лексемы в исландском, как мне кажется, теоретически может быть поставлен, хотя его положительное решение проблематично. В современном исландском базовый статус, несомненно, имеет продолжение общегерманского **wega-*: *vegur*. Ср. контрольный пример из Мк. 10:46: ...*sat Bartimeus, blinder son Timei, við veginn og beiddi*.

Лексема *braut* имеет ограниченную сферу употребления и во фразеологии фиксируется только в сочетании *járnbraut* ‘железная дорога’. Однако, как можно осторожно предположить, в др.-исл. она употреблялась шире, причем как в значении ‘выделенная полоса земной поверхности’, так и в значении ‘странствие, путешествие’, откуда, в частности, др.-исл. *brautingi* ‘путник, странник’. Ср., например, строки из «Речей Высокого» («Старшая Эдда»): *Ashvarf mikit er til illz vinar, // þott á brauto búi* (Hávamál: 34) — букв. «Окольный путь большой есть к плохому другу // хотя у дороги (= рядом) он живет»¹⁴.

¹⁴ Выражаю благодарность Т. В. Топоровой за предоставленный мне текст фрагментов ее готовящейся к изданию монографии «Эпические пути: обозначения дороги, пути в “Старшей Эдде”».

В монографии Т. В. Топоровой представлены и другие примеры употребления *braut* именно как «зоны перемещения» («зелеными дорогами», «широкими дорогами», «мягкими дорогами», «встретить в дороге» и проч.). То есть, возможно, в определенный период развития языка намечалась тенденция к семантической дифференциации понятий «дорога» и «путь» с соответствующим лексическим закреплением. Однако позднее произошел возврат к общегерманской лексеме в качестве базовой, возможно — под влиянием норвежского языка, с которым исландский находился в постоянном контакте, либо иных изменений в исландском обществе. Как кажется, изучение языка саг с данной точки зрения представляется очень перспективным, причем именно исландский материал здесь очень важен, поскольку, как известно, исландский язык представляет собой один из парадоксов и загадок глоттохронологии [Бурлак, Старостин 2001: 85].

3.2.1. Модель 2: кельтские данные

В гойдельском по данной модели образовано обозначение дороги, несомненно, являющееся базовым в древне- и среднеирландский период: *slige* (gen. *sliged*), от глагола *sligid* ‘бьет, рубит’ [LEIA, S: 133]. Морфологически представляет собой пассивное причастие от транзитивной глагольной основы, что подтверждается наличием суффикса *-d /ð/ < -t /θ/*, подвергшегося озвончению в безударном слоге еще в архаическом древнеирландском (см. о формообразовании [McCone 1995]). Др.-ирл. «дорога», таким образом, представляет собой «вырубку, просеку», то есть пространство, специально подготовленное для прохода или проезда.

Как предполагает составитель соответствующего выпуска «Словаря ирландского языка» [DIL, S: col. 273], уже в ср.-ирл. период лексема получает дополнительное метонимическое значение — «путешествие, странствие»: дорога — состояние «в дороге». Например: *ar a shlighidh go Baile Átha Cliath fuair bás* — «по дороге в Дублин он умер» = «во время путешествия в Дублин».

Ср. также приведенный там же пример: *cethre sligthe imdénta* «четыре способа доказательства» (из так называемого Глоссария О’Даворена, окончательная компиляция которого датируется уже сер. XVI в.).

В словаре П. Диннина, отражающем состояние ирландского языка на конец XIX — начало XX в., дано множество английских эквивалентов лексемы *slighe* и содержащих ее фразеологизмов. Причем собственно «дорогой», как я понимаю, новоирл. *slighe* быть уже перестает, но получает значение «привычка, манера, образ действия, намерение» и проч. [Dinneen 1927: 1055–1056]. В словаре О’Доналла [Ó Dónaill 1977] данная лексема дается уже в форме *slí* и у нее превалируют значения, которые можно скорее назвать переносными — «образ действия, манера, правильное поведение, метод», однако дается также «проход» и «путешествие, странствие» (нельзя не привести известный ирландский эвфемизм *tá sé ar shlí na fírinne*, букв. «он на пути истины» = «он умер» [Ibid.: 1111]). В шотландском лексема вообще утрачивает непосредственную связь с «дорогой» и начинает обозначать «путешествие; образ мысли, манеру».

Интересно, что в современном (2017) переводе Евангелия на шотландский язык во фрагменте из Матфея употреблено именно слово *slighe*: *Oir is farsaing an geata agus is leathann an t-slighe...* ‘Ибо тесны врата и узок путь...’ — тогда как для передачи нейтрального локуса перемещения дается совсем другое слово:

Agus fhad’s a bha Iosa ‘s a dheisciobaill is sluagh mòr a’ fàgail Iericho, bha Bartimèus, dèirceach dall, na shuidhe ri taobh an rathaid (Мк. 10:46) — «И оставил Иисус и его ученики ту большую толпу в Иерихоне, и был тогда Вартимей, нищий слепой, сидел у дороги».

Совр. шотл. *rathad* возводится к др.-ирл. *ramut*, этимология которого не ясна (см. [LEIA, R–S: 6]). Лексема не относится к частотным, но уже в др.-ирл. приобретает фигуральное значение ‘способ, образ действия, манера’, ср., например, *rámat firinne* [eDIL] ‘истинное, правильное поведение’.

В общем данный переход встречается довольно часто и мог бы быть назван не столько переходом, сколько логическим расширением семантики лексемы со значением ‘дорога’. Но наращивание метафорических употреблений неизбежно стирает исходную семантику собственно «локуса перемещения». И таким образом мы должны ждать появления нового слова со значением просто ‘дорога’. И оно появляется, реализуя уже модель 3.

3.3. Модель 3

Сам факт появления новых моделей обозначения «дороги», как я понимаю, оказывается вызванным, с одной стороны, некоторой метафорической затертостью старых лексем, с другой — причинами чисто практическими. Так, изобилие проходов, дорожек, путей разного типа и функционального предназначения порождает в языке стремление как-то выделить «главную дорогу». Так, например, в ср.-англ. возникает композит *heigh-weye* [Skeat 1887: 265] ‘главная дорога’¹⁵ (совр. *highway* ‘шоссе, бетонная дорога’). Ср. пример из Национального корпуса русского языка: — *Что значит — хайвей?* — *спросила мать.* — *Большак,* — *ответил я* (Сергей Довлатов. Наши, 1983). Данный Довлатовым перевод, конечно, намеренно неточен, поскольку слово *большак* отсылает к иному времени, иному быту и иным скоростям. Но функционально понятия скорее тождественные: они призваны выделить главную дорогу посредством лексической инновации.

В основном модель 3 строится на выделении **преферентного** типа использования уже существующей дороги для ее спецификации¹⁶. Отчасти известную сложность составляют лексемы, базирующиеся на глагольных основах, то есть обозначающие перемещение (как и в модели 1), но перемещение некоего определенного типа. Для относительно архаических культур здесь не всегда легко отделить первую модель от третьей. Так, например, франц. *chemin* и исп. *camino* восходят к лат. *camminus*, которое в свою очередь является галльским заимствованием: из реконструируемой формы **campano-*, фиксируемой также в кельтиберском топониме *Kapanom*. Предположительный глагольный корень — **cing-* ‘идти пешком, подниматься, шагать’ (**cang-smān-o-*, откуда и ирл. *céim* ‘ступень, шаг’, см. подробнее [Delamarre 2003: 100]).

В большинстве других случаев подобных проблем не возникает, так как новое обозначение «дороги» фиксирует и новый тип перемещения по ней. Так, предположительно к данному типу деривации может быть отнесено галльское *mantalon*, представленное в основном в топонимике и восходящее к и.-е. **men-* ‘ступать ногами, топтать’ [IEW: 726; Delamarre 2003: 216]. Однако в этом случае нет четкой уверенности в том, что континентальные данные фиксируют именно значение ‘дорога для ходьбы пешком’, а не ‘поле для собраний пеших людей’, причем одно не исключает другого (см. [Sims-Williams 2006: 90–91]).

Конечно, наиболее простой пример модели 3 в данном случае — это англ. *road* — к ср.-англ. *riðan* ‘ехать верхом или на колеснице’. Ср. практически идентичную семанти-

¹⁵ В Библии короля Иакова во фрагменте из Марка («сидел у дороги...») употреблено именно это слово.

¹⁶ В упомянутых выше обзорных работах [Dočkalová, Blažek 2011] и [Коломиец 1986] деривация данного типа приводится достаточно репрезентативно, однако не делается различия между идеей передвижения как такового и передвижения определенным способом (бег, хождение пешком, езда и проч.). Для меня же данное различие представляется важным, поскольку демонстрирует диахронический процесс в базовом назывании «дорог» и мотивирует их замены.

ческую модель в образовании совр. греч. δρόμος ‘дорога’ — к обозначению бега, скачек, езды на колеснице. Греческая лексема получает позднее ареальное распространение и дает заимствования: ср. болг. *друм* ‘большая дорога, проезд’, алб. *drum* ‘проход, тропа’, рум. *drumul* ‘проход, путь’ [Коломиец 1986: 97]. Одно из нидерландских обозначений «дороги» *spoor* восходит к общегерм. **spere* ‘ходить ногами, ступать’ (откуда и нем. *Spur* ‘след, отпечаток’, но также ‘колея, лыжня’). То есть вновь — выделение «дороги» по принципу преферентного перемещения.

3.3.1. Модель 3: кельтские данные

Маркирование обозначения дороги по принципу выделения преферентного субъекта перемещения, признаюсь, мне встретилось только в древнеирландском. Речь идет о слове *bóthar* < *bou-itra-* ‘коровий проход’ [LEIA, В: 74]. Лексема впервые фиксируется в так называемом «Глоссарии Кормака» (конец IX в.), приписываемом епископу Кормаку МакКулленану. Интересно, что составитель глоссария довольно ясно видит внутреннюю форму лексемы: *Bóthar, talla dā boin fair...* [Meyer 1913: 96] — «Дорога так что могут разойтись на ней две коровы...».

Для ср.-ирл. периода у этой лексемы фиксируется только значение ‘дорога’. Ср. контрольные примеры из Евангелия, где в значении ‘путь’ используется *bealach*:

...*dall a bhíodh ag iarraidh déirce, ina shuí ar ghrua an bhóthair* (Мк. 10:46) — букв. «слепой, который просил милостыню, сидел на краю дороги»;

*Mar is caol cúngan geata agus is deacair duamhar an bealach*¹⁷ *a théas chun na beatha* (Мф. 7:14) — букв. «Ибо узки и тесны врата и труден и нелегок путь, которым идти к живым».

Введение переводчиком аллитерирующих синонимических определений, наверное, заслуживает особого внимания, но сейчас для меня важно, что метафорического значения слово *bóthar* в его глазах не имеет и остается просто «дорогой» как пространством для перемещения.

Но став просто «дорогой» в среднеирландский период, лексема *bóthar* автоматически начала развигивать традиционную метафорику и влилась в «концепт дорога-путь». Так, в словаре О’Доналла мы уже встречаем выражения: *Tá bóithre deas aige* ‘он мило себя держит’ (букв. «У него приятные дороги»), *As bóthar!* ‘Возмутительно!’ (букв. «Вне дороги!») и проч. [Ó Dónaill 1977: 128].

«В целом, содержание статьи совершенно необязательно напрямую связывать со списком Сводеша, и при учете всех соответствующих лексем может получиться интересный семантический этюд в рамках кельтского языкознания», — писал мне один из анонимных рецензентов. Он, безусловно, прав. Более того, я должна признаться, что ряд гойдельских лексем был мною обойден, отчасти — ввиду сложности этимологии, а также уточнения ранней семантики. Так, например, за рамками нашей работы осталось важное слово *conar*, которое Ч. Догерти в исследовании, посвященном дорогам в «Законах и социальной жизни Древней Ирландии», называл «родовым понятием» (generic name — [Doherty 2015: 28]). Этимология слова не ясна, а семантика скорее склоняется в область «образ действия, способ, путь», причем сохраняется в течение поразительно долгого периода: ср. др.-ирл. трактат *Cóic conara fuigil* ‘Пять способов действовать’ и название современного двуязычного

¹⁷ Совр. ирл. *bealach*, др.-ирл. *belach*, собственно «дорогой», видимо, никогда не было. Уже изначально оно имело значение ‘путь, способ; движение; проход в горах’, в совр. ирл. образует фразеологизмы типа *ar aon bhealach sin* ‘таким образом’ и проч. Этимология не ясна (см. [Dočka-lová, Blažek 2011: 309]), попытка соотнесения с *bél* ‘рот, устье’ не поддерживается долгим вокализмом последнего.

(англо-ирландского) трактата о пути в буддизме: “A Path home — Conair siar” [Bannister 2018]. По-русски название, наверное, было бы лучше передать как «Путь к себе». То есть — вновь поиск пути, опирающийся на чувство, который мы уже встречали в связи с другими корнями. Но этюд, посвященный анализу широкого семантического поля «дорога» в кельтском или в гойдельском, пока не являлся моей главной задачей.

Заключение

Изучение собственно «метафорики дороги», затронутой мною лишь поверхностно, находится за рамками моего исследования¹⁸, хотя сам факт наличия обильных метафор, как можно предположить, является одним из факторов относительной нестойкости лексемы в базовом списке (напомню, для и.-е. языков — индекс стабильности 0,28). Другим фактором, безусловно, является фактор уже внеязыковой: развитие цивилизации неизбежно требует появления новых слов для обозначения новых понятий и реалий, и прежняя «дорога-проход» оказывается противопоставленной мощеной дороге. Именно этот путь семантического развития я и пыталась описать при помощи выделения трех моделей построения лексем, обозначающих конкретный (для каждого исторического и социального среза) денотат «дорога». Мне кажется, мое построение выглядит вполне логичным, но при этом остается объяснить, почему же в таких языках, как сербский или бретонский, сохраняются архаические лексемы. Но не следует забывать, что слово было взято мной из **базового** списка лексики, то есть списка лексем-понятий, последовательно сопротивляющихся переменам, точнее — принимающих их в замедленном темпе, подчиняющемся выведенной в свое время Сводешем единой формуле.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Ожегов, Шведова 1998 — Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. *Толковый словарь русского языка*. 3-е изд. М.: Азбуковник, 1998.
- Слово о полку Игореве 1980 — Слово о полку Игореве / Подг. текста Творогова О. В. *Памятники литературы Древней Руси. XII век*. М.: Художественная литература, 1980, 373–388.
- Топоров 1982 — Топоров В. Н. МОСТ. *Мифы народов мира*. Энциклопедия. Т. 2. М., 1982, 176–177.
- Черных 1994 — Черных П. Я. *Историко-этимологический словарь современного русского языка*. Т. I–II. М.: Русский язык, 1994.
- ЭССЯ — *Этимологический словарь славянских языков* / Под ред. Трубачева О. Н., Журавлева А. Ф. Вып. 1–. М.: Наука, 1974–.
- Buck 1949 — Buck C. *A dictionary of selected synonyms in the principal Indo-European languages*. Chicago: Univ. of Chicago, 1949.
- De Vaan 2008 — De Vaan M. *Etymological dictionary of Latin and the other Italic languages*. Leiden: Brill, 2008.
- De Vries 1962 — De Vries J. *Altnordisches etymologisches Wörterbuch*. Leiden: Brill, 1962.
- Delamarre 2003 — Delamarre X. *Dictionnaire de la langue gauloise. Un approche linguistique du vieux-celtique continental*. Paris: Éditions Errance, 2003.
- Derksen 2008 — Derksen R. *Etymological dictionary of the Slavic inherited lexicon*. Leiden: Brill, 2008.
- DIL 1953 — *Contributions to a dictionary of the Irish language*. Quin E. G. (ed.). Dublin: Royal Irish Academy, 1953.
- Dinneen 1927 — *Foclóir Gaedhíle agus Béarla — Irish-English dictionary*. Dinneen P. S. (comp.). Dublin: Irish Texts Society, 1927.

¹⁸ Посвященных этой теме работ множество. Ср. в качестве примера добросовестного исследования (с обширным обзором литературы) [Ипполитов 2003], а как образец поверхностного текста, не вполне различающего план выражения и план содержания, — [Архангельская 2015].

- eDIL — *The electronic dictionary of the Irish language*. URL: www.dil.ie.
- Ernout, Meillet 1939 — Ernout A., Meillet A. *Dictionnaire étymologique de la langue latine : histoire des mots*. Paris, 1939.
- Falileyev 2010 — Falileyev A. *Dictionary of Continental Celtic place-names*. Aberystwyth: CMCS, 2010.
- Geiriadur Prifysgol Cymru — *Geiriadur Prifysgol Cymru* [A dictionary of the Welsh language]. Cardiff, 1951. URL: <http://geiriadur.ac.uk/gpc/gpc.html>.
- Greimas 1968 — Greimas A.-J. *Dictionnaire de l'ancien français jusqu'au milieu du XIVe siècle*. Paris: Librairie Larousse, 1968.
- Hatzfeld, Darmesteter 1964 — Hatzfeld A., Darmesteter A. *Dictionnaire général de la langue française*. Vol. I–II. Paris: Delgrave, 1964.
- IEW — Pokorny J. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bern, 1959.
- Kluge 1957 — Kluge F. *Etymologisches Wörterbuch der deutschen Sprache*. Berlin: Walter de Gruyter & Co., 1957.
- Kroonen 2013 — Kroonen G. *Etymological dictionary of Proto-Germanic*. Leiden: Brill, 2013.
- LEIA — *Lexique étymologique de l'irlandais ancien*. Vendryes J. (R–S — par E. Bachellery). Paris: CNRS, 1974.
- LIV — *Lexicon der indogermanischen Verben*. Rix H. et al. (eds.). Wiesbaden, 2001.
- Matasović 2009 — Matasović R. *Etymological dictionary of Proto-Celtic*. Leiden: Brill, 2009.
- Meyer 1913 — Meyer K. (ed.). *Sanas Cormaic – Cormac's Glossary*. (Anecdota from Irish Manuscripts, V.) Dublin: Halle a S. Max Niemeyer, 1913.
- Ó Dónaill 1977 — Ó Dónaill N. *Foclóir Gaeilge-Béarla* [Irish-English dictionary]. Dublin: An Gúm, 1977.
- Skeat 1887 — Skeat W. *An etymological dictionary of the English language*. Oxford: Clarendon Press, 1887.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Апресян 1995/1974 — Апресян Ю. Д. Избранные труды. Т. 1: Лексическая семантика (синонимические средства языка). 2-е изд. М.: Языки русской культуры, 1995. [Apresjan Yu. D. *Izbrannyye trudy. T. 1: Leksicheskaya semantika (sinonimicheskie sredstva yazyka)* [Selected works. Vol. 1: Lexical semantics (synonymic means of language)]. 2nd edn. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1995.]
- Арутюнова 1999 — Арутюнова Н. Д. Путь по дороге и бездорожью. *Логический анализ языка. Языки динамического мира*. Арутюнова Н. Д., Шатуновский И. Б. (отв. ред.). Дубна: Международный ун-т природы, общества и человека «Дубна», 1999, 3–17. [Arutyunova N. D. Way on the road and off the road. *Logicheskii analiz yazyka. Yazyki dinamicheskogo mira*. Arutyunova N. D., Shatunovskii I. B. (eds.). Dubna: Dubna International Univ. for Nature, Society, and Man, 1999, 3–17.]
- Архангельская 2015 — Архангельская А. М. Семантика ДОРОГИ во фразеологии славянских языков: соотношение сакрального и профанного [Arkhangel'skaya A. M. Semantics of ROAD in Slavic phraseology: Sacral and profane]. *Opera Slavica*, 2015, vol. XXV, No. 4: 3–17.
- Бабаева 2006 — Бабаева Е. Э. Формирования семантической структуры слова *простой* в русском языке. *Языковая картина мира и системная лексикография*. Апресян Ю. Д. (отв. ред.). М.: ЯСК, 2006, 761–844. [Babaeva E. E. Formations of the semantic structure of the word *prostoj* 'simple' in Russian. *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya*. Apresjan Yu. D. (ed.). Moscow: YaSK, 2006, 761–844.]
- Баранов, Караулов 1994 — Баранов А. Н., Караулов Ю. Н. *Словарь русских политических метафор*. М.: Помовский и партнеры, 1994. [Baranov A. N., Karaulov Yu. N. *Slovar' russkikh politicheskikh metafor* [Dictionary of Russian political metaphors]. Moscow: Pomovskii i Partnery, 1994.]
- Бондаренко 2003 — Бондаренко Г. В. *Мифология пространства Древней Ирландии*. М.: ЯСК, 2003. [Bondarenko G. V. *Mifologiya prostranstva Drevnei Irlandii* [Mythology of space in Old Ireland]. Moscow: YaSK, 2003.]
- Бурлак, Старостин 2001 — Бурлак С. А., Старостин С. А. *Введение в лингвистическую компаративистику*. М.: УРСС, 2001. [Burlak S. A., Starostin S. A. *Vvedenie v lingvisticheskuyu komparativistiku* [Introduction to comparative linguistics]. Moscow: URSS, 2001.]
- Иванов 1982 — Иванов Вяч. Вс. Взаимоотношение динамического исследования эволюции языка, текста и культуры (к постановке проблемы). *Известия Академии наук СССР. Серия литературы и языка*, 1982, 41(5): 406–419. [Ivanov Vyach. Vs. Correlation between dynamic study of the evolution of language, text, and culture. *Izvestiya Akademii nauk SSSR. Seriya literatury i yazyka*, 1982, 41(5): 406–419.]

- Ипполитов 2003 — Ипполитов О. О. *Объективация концепта «дорога» в лексико-фразеологической системе языка*. Дис. ... канд. филол. наук. Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2003. [Ippolitov O. O. *Ob'ektivatsiya kontsepta «doroga» v leksiko-frazeologicheskoi sisteme yazyka* [Objectivation of the concept 'road' in the lexico-phraseological system of language]. Ph.D. diss. Voronezh: Voronezh State Univ., 2003.]
- Кац, Мухаматулина 2017 — Кац Г. Б., Мухаматулина Е. А. *«Пути-дороги»: метафора жизненного пути*. М.: Генезис, 2017. [Kats G. B., Mukhamatulina E. A. *«Puti-dorogi»: metafora zhiznennogo puti* [Puti-dorogi: Metaphor of the life path]. Moscow: Genesis, 2017.]
- Коломиец 1986 — Коломиец В. Т. Названия дорог в индоевропейских языках. *Этимология 1984*. Варбог Ж. Ж. и др. (ред.). М.: Наука, 1986, 95–102. [Kolomiets V. T. Road names in Indo-European. *Etimologiya 1984*. Varbot Zh. Zh. et al. (eds.). Moscow: Nauka, 1986, 95–102.]
- Куркина 1971 — Куркина Л. В. Из наблюдений над некоторыми названиями дорог и тропинок в славянских языках. *Этимология 1968*. М.: Наука, 1971, 92–105. [Kurkina L. V. Observations on some road and path names in Slavic. *Etimologiya 1968*. Moscow: Nauka, 1971, 92–105.]
- Михайлова 2008 — Михайлова Т. А. Галльское *tan*: к проблеме обозначения огня как *очага* в континентальном кельтском. *Языковые контакты в аспекте истории*. VI Международная научная конференция по сравнительно-историческому языкознанию. Тезисы докладов. М.: МГУ, 2008, 69–74. [Mikhailova T. A. Gallic *tan*: On designating fire as *hearth* in Continental Celtic. *Yazykovye kontakty v aspekte istorii*. Proc. of the 6th International Conf. on Comparative-Historical Linguistics. Moscow: Moscow State Univ., 2008, 69–74.]
- Неклюдов 2015 — Неклюдов С. Ю. *Поэтика эпического повествования: пространство и время*. М.: Изд-во РГГУ, 2015. [Neklyudov S. Yu. *Poetika epicheskogo povestvovaniya: prostranstvo i vremya* [Poetics of the epic narrative: Space and time]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities Publ., 2015.]
- Парина 2009 — Парина Е. А. Стословный список базовой лексики для современного валлийского языка. *Материалы Второго colloquiuma международного общества «Кельто-Славика»*. Мак-Махун Ш. (отв. ред.). М.: МГУ, 2009, 139–146. [Parina E. A. The 100-word core vocabulary list for Modern Welsh. *Materialy Vtorogo kollokviuma mezhdunarodnogo obshchestva «Kel'to-Slavika»*. McMahon S. (ed.). Moscow: Moscow State Univ., 2009, 139–146.]
- Сводеш 1960 — Сводеш М. Лексикостатистическое датирование доисторических этнических контактов (На материале племен эскимосов и североамериканских индейцев). Пер. с англ. И. П. Токмаковой. *Новое в лингвистике*. Вып. I. Звегинцев В. А. (ред.). М.: Изд-во иностранной литературы, 1960, 23–52. [Swadesh M. Lexico-statistic dating of prehistoric ethnic contacts. *Proc. of the American Philosophical Society*, 1952, 96: 452–463. Transl. into Russian.]
- Смирницкая 2008 — Смирницкая О. А. *Síð Béowulfes: границы культурной лексики в древнеанглийском эпосе. Избранные статьи по германской филологии*. Смирницкая О. А. М.: МАКС Пресс, 2008, 161–170. [Smirnitskaya O. A. *Síð Béowulfes: Borders of cultural vocabulary in Old English epos. Izbrannye stat'i po germanskoi filologii*. Smirnitskaya O. A. Moscow: MAKS Press, 2008, 161–170.]
- Старостин 2007 — Старостин С. А. *Труды по языкознанию*. М.: ЯСК, 2007. [Starostin S. A. *Trudy po yazykoznaniiu* [Works in linguistics]. Moscow: YaSK, 2007.]
- Топорова (в печати) — Топорова Т. В. *Эпические пути: обозначения дороги, пути в «Старшей Эдде»* (в печати). [Toporova T. V. *Epicheskie puti: oboznacheniya dorogi, puti v «Starshei Edde»* [Epic paths: Designations of roads and paths in Poetic Edda]. In print.]
- Цивьян 1999 — Цивьян Т. В. *Движение и путь в балканской картине мира. Исследования по структуре текста*. М.: Индрик, 1999. [Tsiv'yan T. V. *Dvizhenie i put' v balkanskoi kartine mira. Issledovaniya po strukture teksta* [Motion and path in the Balkan worldview: Studies in text structure]. Moscow: Indrik, 1999.]
- Щепанская 2003 — Щепанская Т. Б. *Культура дороги в русской мифоритуальной традиции XIX–XX вв.* М.: Индрик, 2003. [Shechepanskaya T. B. *Kul'tura dorogi v russkoi miforitual'noi traditsii XIX–XX vv.* [Culture of road in Russian mythoritual tradition of the 19th–20th centuries]. Moscow: Indrik, 2003.]
- Bannister 2018 — Bannister G. *A path home — Conair siar: Zen koans in English and Irish*. Dublin: New Island, 2018.
- Benveniste 1954 — Benveniste E. Problèmes sémantique de la reconstruction. *Word*, 1954, 10: 251–264.
- Blažek 2010 — Blažek V. *Indo-European “smith” and his divine colleagues*. Washington: Institute for the Study of Man, 2010.

- Blažek, Novotná 2006 — Blažek V., Novotná P. On application of glottochronology for Celtic languages. *Linguistica Brunensia*, 2006, 55 (issue A54): 71–100.
- Carney 1971 — Carney J. (ed.). Three Old Irish accentual poems. *Ériu*, 1971, 22: 23–80.
- De Bernardo Stempel 1999 — De Bernardo Stempel P. *Nominale Wortbildung des Älteren Irischen. Stammbildung und Derivation*. Tübingen: Max Niemer Verlag, 1999.
- De Hoz 2005 — De Hoz J. Ptolemy and the linguistic history of the Narbonensis. *New Approaches to Celtic place-names in Ptolemy's Geography*. De Hoz J., Luján E. R., Sims-Williams P. (eds.). Madrid: Ediciones Clásicas, 2005, 173–188.
- Delamarre 2005 — Delamarre X. Les noms du compagnon en gaulois. *Studia Celtica Fennica*, 2005, II: 47–52.
- Dočkalová, Blažek 2011 — Dočkalová L., Blažek V. On Indo-European roads. *The Journal of Indo-European Studies*, 2011, 39(3–4): 299–341.
- Doherty 2015 — Doherty Ch. A road well travelled: The terminology of roads in early Ireland. *Clerics, kings and vikings. Essays on medieval Ireland in honour of Donnchad Ó Corráin*. Purcell E., MacCotter P., Nythan J., Sheehan J. (eds.). Dublin: Four Courts Press, 2015, 21–30.
- Dolgopolsky 2000 — Dolgopolsky A. B. Sources of linguistic chronology. *Time depth in historical linguistics*. Renfrew C., McMahon A., Trask L. (eds.). Cambridge: McDonald Institute for Archeological Research, 2000, 401–409.
- Elsie 1979 — Elsie R. W. *The position of Brittonic. A synchronic and diachronic analysis of genetic relationships in the basic vocabulary of Brittonic Celtic*. Ph.D. diss. Bonn: Rheinische Friedrich-Wilhelms-Universität Bonn, 1979.
- Kassian et al. 2010 — Kassian A., Starostin G., Dybo A., Chernov V. The Swadesh wordlist. An attempt at semantic specification. *Journal of Language Relationship*, 2010, 4: 46–89.
- Lakoff, Johnson 1980 — Lakoff G., Johnson M. *Metaphors we live by*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1980.
- Mallory 2013 — Mallory J. P. *The origins of the Irish*. London: Thames & Hudson, 2013.
- Mallory, Adams 1997 — Mallory J. P., Adams D. Q. *Encyclopedia of Indo-European culture*. London: Fitzroy Dearborn, 1997.
- Mallory, Adams 2006 — Mallory J. P., Adams D. Q. *The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European world*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2006.
- McCone 1995 — McCone K. Old Irish *senchae*, *senchaid* and preliminaries on agent noun formation in Celtic. *Ériu*, 1995, 46: 1–10.
- Orel 2003 — Orel V. *A handbook of Germanic etymology*. Leiden: Brill, 2003.
- Schrijver 1991 — Schrijver P. *The reflexes of the PIE laryngeals in Latin*. Amsterdam: Rodopi, 1991.
- Schrijver 1995 — Schrijver P. *Studies in British Celtic historical phonology*. Leiden: Rodopi, 1995.
- Sims-Williams 2006 — Sims-Williams P. *Ancient Celtic place-names in Europe and Asia Minor*. Oxford: Blackwell, 2006.
- Starostin S. 1999 — Starostin S. Comparative-historical linguistics and lexicostatistics. *Historical linguistics & lexicostatistics*, vol. 3. Shevoroshkin V., Sidwell P. (eds.). Melbourne: Association for the History of Language, 1999, 3–50.
- Starostin G. 2010 — Starostin G. Preliminary lexicostatistics as a basis for language classification: A new approach. *Journal of Language Relationship*, 2010, 3: 79–116.
- Swadesh 1952 — Swadesh M. Lexico-statistic dating of prehistoric ethnic contacts. *Proc. of American Philosophical Society*, 1952, 96: 452–463.
- Swadesh 1955 — Swadesh M. Towards greater accuracy in lexicostatistic dating. *International Journal of American Linguistics*, 1955, 21: 121–137.
- Traugott, Dasher 2002 — Traugott E. C., Dasher R. B. *Regularity in semantic change*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.
- Watkins 2011 — Watkins C. *The American heritage of Indo-European roots*. 3rd edn. Boston: Houghton Mifflin Harcourt, 2011.
- Wodtko et al. 2008 — Wodtko D., Irslinger B., Schneider C. *Nomina im indogermanischen Lexicon*. Heidelberg: Universitätsverlag, 2008.